

НОВАЯ КНИГА ОТ АВТОРА КУЛЬТОВЫХ «МЕНТОВ»

АНДРЕЙ КИВИНОВ
ЧЕРНЫЙ МЕРИН

ЭПОК КОЧЕСТВО

БОЙСЯ ПОДАРОКОВ,
СУДЬБОЙ ПРИНОСИМЫ!

Андрей Владимирович Кивинов

Черный мерин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156577

Черный мерин: АСТ, Астрель-СПб; 2006

ISBN 5-17-038031-3, 5-9725-0460-X, 985-13-7646-9

Аннотация

Неожиданное счастье, свалившееся на простого паренька, курьера туристической фирмы, оборачивается для него самым серьезным разочарованием. В числе его недругов – директор элитного автосалона и криминальный авторитет, «теневой хозяин» уральского городка. Казалось бы – исход такого неравного противостояния предрешен... Однако жизнь вносит свои коррективы. Особенно если ее в любой момент могут отнять...

Андрей Кивинов

Черный мерин

Несмотря на кажущуюся невероятность, сюжет основан на реальных событиях, однако совпадения фамилий, прозвищ, названий фирм и учреждений, населенных пунктов, торговых марок, брендов, кличек собак и т. п. с реально существующими являются случайным, как бы кому ни хотелось обратного

Автор выражает признательность Игорю Семенову, без встречи с которым эта книга вряд ли бы появилась

Я не обладаю способностью читать по губам. Но могу поручиться, что в течение последнего часа меня трижды обозвали уродом, четырежды чайником и семь раз словом, с пеленок знакомым каждому вменяемому гражданину. Но не «мамой»...

Правда, сами цифры весьма приблизительные. Я не загибал палец, когда кто-нибудь показывал мне свой – вытянутый, средний. (Кстати, особенно красиво смотрелись дамские пальчики, увенчанные изящным ноготком с маникюром экзотической расцветки.)

А, собственно, что я такого козлиного сделал?..

С моей точки зрения, ничего аморального. Интересы ра-

ди провел небольшой эксперимент – попытался не нарушать правила дорожного движения. Катиться с максимально допустимой скоростью – шестьдесят км/ч там, где обычно гонят под сотню. Пропускать пешеходов на «зебрах», не проскакивать на желтый, притормаживать перед трамвайными обстановками. За что и подвергнулся обструкции нервными собратями по рулю.

Но плотно поднятые стекла моего авто обеспечивали лишь звуковую защиту от оскорблений. Визуальный ряд оставался. Приходилось наслаждаться добрыми лицами и не менее милыми жестами.

Впрочем, ничего другого от эксперимента я и не ждал. Главное правило дорожного движения: не хочешь прослыть уродом и чайником – нарушай. К слову, по этой причине безопаснее всего переходить улицу на красный свет. Хотя бы знаешь, чего ждать...

Унижению подверглась не только моя высокочтимая персона, но и преданный четырехколесный мустанг производства Тольяттинского автогиганта. Модель номер восемь, год выпуска – тысяча девятьсот девяносто первый. Цвет – бордо-потертый. На треснутом лобовом стекле знак «Уступи дорогу!», на заднем – наклейка «Внимание, я в угоне», на левой двери – след от сбитой старушки. Шутка... От старичка.

Уверен, будь под моей задницей кресло какого-нибудь чемоданоподобного «гелентвагена» или полноприводного «лексуса», количество оскорблений сошло бы на нет. Вряд

ли бы у кого поднялся палец на хозяина такого коня. Ибо хозяин может и ответить. В не менее милой форме. Я, конечно, тоже могу ответить, но всерьез это никто не воспримет. Поэтому и не отвечаю. Берегу бесценные нервные клеточки и голосовые связки. Еду себе спокойно, как предписано упомянутыми правилами, на чем Господь послал.

Но, если честно, я бы не отказался, если бы Господь дал мне машину немного больше. Например, тот же «гелентваген». Или любой другой джип производства всемирно известного концерна «Mercedes-Benz». Но в связи с тем, что я, как «чайник», стараюсь жить по установленным в обществе правилам, то имею в свои двадцать шесть с небольшим не импортный джип, а отечественную «восьмерку». И тружусь не топ-менеджером нефтяной компании, а скромным курьером в туристической фирме «Парадиз», куда сейчас и направляюсь.

Время от времени из хулиганских побуждений я подмигиваю фарами встречным лихачам – якобы впереди человек с радаром. Лихачи должны быть мне благодарны. Они тут же сбрасывают скорость, тем самым снижая риск попасть в аварию.

До начала рабочей смены еще пятнадцать минут, я не опаздываю. Осталось последний раз пропустить пешехода, увидеть знакомый изгиб губ владельца какой-нибудь «мазды» и свернуть с широкой магистрали в тесный переулок, где бросить якорь возле двухэтажного небоскреба, на первом

этаже которого арендует пару комнат родной «Парадиз». Что в переводе с английского приблизительно означает «рай».

Скоро год, как я каждое утро, кроме законных выходных, езжу по маршруту «квартира – рай» на своей малолитражке, чтобы приносить пользу обществу. С ограниченной ответственностью. И получать за это четыреста условных единиц (но не евро!) в месяц, бесплатный корпоративный обед, безлимитный мобильник и две сотни литров бензина. И ни литром больше...

Все подсчитано у господ капиталистов! На эти литры я смогу кататься столько, сколько нужно хозяевам. А если захочу, например, проехаться в обеденный перерыв в ювелирный шоп, чтобы прикупить пару-тройку бриллиантов для любимой, мне придется сделать это исключительно за свой счет.

В фирме четыре офиса, и в мои курьерские обязанности входит мотание между ними в течение рабочего дня. Иногда случаются исключения, и меня отправляют в аэропорт или какое-нибудь консульство. Вожу я документы, порой деньги. Иногда большие деньги. Шеф, Анна Сергеевна, мне доверяет, и я оправдываю высокое доверие – ни один бакс, врученный мне, пока не растворился в заморских оффшорах. Это выгодно отличает меня от моего предшественника, который укатил вместе с двадцатью тысячами черного «нала» и до сих пор где-то ездит. Видимо, заблудился в городе или попал в затяжную пробку... Анна Сергеевна, или просто Анюта, как

я ее обзываю, наверное, до сих пор ждет его возвращения. Поэтому даже не заявила в органы.

Я же попал на блатное курьерское место благодаря моей любимой спутнице жизни Веронике, лично знавшей Анюту и поручившейся за меня девичьей честью. Правда, она предупредила, что я слегка рассеян. Наглая клевета! Господь наградил меня множеством пороков, но только не этим. Подумаешь, пару раз не запер на ночь машину. И один раз потерял права. С кем не случается? Даже на трезвую голову. Не чемоданчик же с ядерной кнопкой в метро оставил...

На дворе лето, разгар туристического сезона, вылезать из-за руля приходится лишь на бесплатный обед и для производственной гимнастики, дабы не заработать неприличную сидячую болезнь. Перекуров нет. Хочешь курить – кури на ходу. Слава Богу, я не курю. В дороге слушаю радио, поэтому нахожусь в курсе всех мировых и местных сплетен и новинок музыкального рынка. Иногда, если по пути, беру попутчиков или попутчиц. А если не по пути – подвожу за деньги.

Сегодня на мне бейсболка, светлые шорты и сине-бело-голубая футболка моего любимого «Зенита» с номером одиннадцать и надписью «Александр Кержаков» на спине. Я надеваю ее в дни матчей. На игру сходить не смогу, буду «болеть», слушая радио и прицепив на антенну клубный флажок. Наши обязательно выиграют. Или проиграют. Или будет ничья. Если вдуматься, четвертого не дано.

Заглушив двигатель и вытащив из консоли старенький, но

крепкий «панасоник», я вынырнул из душного салона, миновал дверь с выцветшей фреской «Горящие путевки» и оказался в продуваемом кондиционерами офисе перед Сергеем Николаевичем Мышкиным. Это наш старший менеджер по особо важным делам. Человек ответственный и серьезный, он не позволяет себе в рабочее время заниматься личными проблемами. За что снискал уважение в коллективе и надбавку к окладу. В офисе он всегда появляется первым. И всех, кроме меня, называет по имени-отчеству. В общем, весь такой положительный, как реакция Вассермана.

– Доброе утро, Сергей Николаевич!..

– Здравствуй, Артем. Как добрался?

– Пробки!

– Безобразия...

Этот нехитрый диалог повторяется изо дня в день и не несет глубокой смысловой нагрузки. Вроде как «how are you?» у американцев. Нам детей не крестить, в разведку не ходить, а посему нечего и лезть друг другу в душу.

– Держи, – старший менеджер протянул мне пухлую папку. – Срочно вези на Балтийскую. Отдашь Анне Сергеевне, она там. Будь поаккуратней, здесь паспорта с английскими визами! У людей завтра самолет в Лондон, а люди серьезные. Не отдадим паспорта – отдадим концы.

– Не Березовский, случайно? – без тени иронии уточнил я.

– Нет, не Березовский, – даже не улыбнулся Сергей Ни-

колаевич. – Давай, езжай...

– А потом куда?

– Там скажут... Да, чуть не забыл: Анна Сергеевна еще кое-что попросила. У Юлии Борисовны сегодня день рождения, заскочи по пути на рынок, купи цветы, – Мышкин достал из бумажника три сотни. – Она розы любит. Выбери получше. И обязательно на рынке, а не в ларьке!

Юлия Борисовна, а проще Юлька, – наш молодой менеджер из офиса на Балтийской улице. Ничего подруга, правда, с гонором. Пальцы пока веером не растопыривает, но предпосылки имеются. Через год-другой в дверь пролезать не будут. Помешана на похудании, поэтому смело может сниматься в ужастике «Ночь живых мертвецов». Или «Байки из склепа».

Получив задание, я возвратился к мустангу. Мустанг, к слову, мой личный. Именно с таким условием меня брали в «Парадиз». Куплен на честные две тысячи долларов у соседа по подъезду. Возле подъезда и ночует. Воры и угонщики, тьфу-тьфу, на мустанга пока не покушались – надо полагать, их отпугивала не столько сигнализация, сколько год выпуска. Рисковать из-за такого старья идиотов нет. Хоть в этом у моей «ладушки» есть преимущество перед «мерседесом».

Со сладкими мыслями о «мерседесе» мчусь на рынок. Нет, серьезно, я со школьной скамьи мечтаю о немецком внедорожнике. И неистово верю: мечта рано или поздно сбудется. Для этого надо всего-навсего двадцать пять с половиной

лет отработать курьером. Правда, не питаюсь и не пользуюсь никакими благами цивилизации. Зато потом!.. Я хочу машину непременно с кожаным салоном. И, конечно, с автоматической коробкой передач – от педали сцепления у меня на ноге уже мозоль. Хотя с «механикой» немцы, наверное, уже и не делают... Пока же я накопил только на эмблемку-трилистник, которую прицепил на капот мустанга.

Вообще-то, не думайте, что, кроме как развозить путевки и черный «нал», я ничего не умею и ни к чему не стремлюсь. Просто на данном жизненном этапе вынужден заниматься именно этим непрестижным занятием. Юридический колледж, сделавший из меня дипломированного специалиста, к сожалению, не обеспечил высокодоходным рабочим местом. Давай, студент, выплывай, как сумеешь!.. А с учетом, что в Питере одних только вузов с юридическими кафедрами больше десятка, то шансы на безбедную жизнь с дипломом колледжа просто смешные. Вот до сих пор и смеюсь.

После службы в армии (без контракта!) я два года смеялся на рынке, продавая пиратские диски, потом немного на мойке машин и теперь здесь, в «Парадизе». К слову, в юристы я подался не совсем по призванию, хотя в детстве мечтал стать защитником обиженных и угнетенных. Скакать в черной маске на лошади, размахивать шпагой и защищать, защищать, защищать...

Но повзрослев, я понял, что держать лошадь в двухком-

натной квартире слишком хлопотно, и от защиты угнетенного населения отказался. После школы действовал по принципу: какое учебное заведение окажется ближе к дому, туда и буду поступать. Юридический колледж был ближе всех. И хотя теперь я могу отличить презумпцию невинности от презентации невинности, ощутимых дивидендов мне это не приносит.

К слову, один мой сокурсник тоже мечтал о джипе. И воплотил-таки мечту в жизнь!.. Не сказать, что особо оригинальным способом, но зато почерпнутым из произведения искусства. Подсмотрел в «культовом» фильме способ изготовления «пугача» из ножки стула и смастерил такой же, зарядив убойной порцией серы из спичек и гвоздей. Потом остановил на трассе джип, подсел, не помню уж под каким предлогом, и разрядил в лицо хозяина порцию железа. Тот сразу не умер – минут десять кровью истекал...

Сокурсник перебросил тело на заднее сидение и рванул к своему дому. По пути его менты тормознули, но ничего подозрительного не заметили. Подумаешь, спит пьяный сзади... Короче, ночью покойника – в канаву, джип – на стоянку.

Примерно с месяц катался. Причем, совершенно открыто. Даже в колледж приезжал похвастаться – мол, предки на двадцатилетие подарили. Может, и сейчас бы катался, да влетел по пьяни в задницу «бумера». Стали разбираться – тут и сказке конец. Двенадцать лет особо строгого счастья...

Спросите, на какие шиши я купил машину? Как перед налоговой отвечаю – наследство! В прошлом году умерла моя крестная, тетка по отцовской линии. Она жила в собственном домишке на берегу Суздальских озер. Оставила кое-какие сбережения, которых аккурат хватило на старенькую «восьмерку». А участок в десять соток и домик завещала у нотариуса любимому и единственному племяннику-крестнику.

Недвижимость мы с родителями решили пока не продавать, хотя предложения, и весьма интересные, поступали – все-таки район элитный. Своего рода питерская Рублевка. Но, говорят, земля-матушка с каждым годом растет в цене, поэтому торопиться не стоит. Мы подкрасили, подлатали домик и теперь сдаем студентам за гуманный тариф – и им хорошо, и нам. Правда, сейчас каникулы, и домик пустует, смотрясь на фоне дорогих особняков как засохшая ромашка в букете благородных роз.

Что касается жизненных перспектив... Конечно, я кручу головой по сторонам в поисках более престижного места, но пока ничего не вижу. Вероника время от времени меня подстегивает, заставляет идти учиться дальше, но я всегда нахожу «отмазку», по которой якобы не могу пока оставить курьерский бизнес. Вообще-то, я согласен, что учиться надо. Но как только представлю себя на экзамене, руки тянутся к рулю, а ноги к педалям... Наверное, рано или поздно я возьмусь за ум – не всю же жизнь развозить путевки! Хотя наш

сосед снизу всю сознательную жизнь работает таксистом и особо не жалуется. Все в конечном счете зависит от того, чего тебе в ней, в жизни, надо...

Вероника мне не жена. Пока. Статистика разводов в стране угрожающе высока, поэтому спешить не стоит. Нужно как следует подготовиться к трудностям семейной жизни и проверить свои чувства. Мы ждем, когда моя суженая закончит институт и получит относительную независимость от родителей. Вот тогда мы и подадим заявление. Ждать осталось год. К тому времени стоимость моего участка еще подрастет, мы его толкнем, купим квартиру и будем жить в ней семейное гнездышко. А пока я потихоньку откладываю из своей зарплаты на свадьбу. Тысячу долларов уже накопил. Вероника сейчас на каникулах и подрабатывает в кафешке официанткой, чтобы не сидеть на шее у добрых, но бедных родителей.

Познакомились мы при самых романтических обстоятельствах. Я спас ее от грязных лап распоясавшихся хулиганов. Как-то поздним вечером на улице ко мне прицепились два поддатых субъекта авангардной наружности. Как принято в их кругах, они поинтересовались, как пройти в Мариинский театр и, пока я пытался вспомнить кратчайший путь, врезали носком ботинка по моему носу. Оба одновременно. Хорошо, что промазали, и удар пришелся ниже. Вернее, хорошего мало, но выбитый зуб все-таки лучше, чем сломанный нос...

Я прекрасно помнил из лекций, что молодые люди совер-

шают злостное хулиганство, но объяснить им этого не мог, потому что с криком «Вау!» рухнул на холодный асфальт. Пользуясь моментом, эти хреновы театралы стали цинично добивать меня, нанося удары по тщедушному телу и по морде, по морде... И наверняка добили, если бы не возвращавшаяся от подруги Вероника. Она так славно завизжала, что подонки едва унесли ноги.

– Привет, меня зовут Вероника.

– Привет... меня зовут... бу-бу-бу...

Потом она проводила раненого домой, а раненый жестами попросил у нее на всякий случай номер мобильного телефона. Ведь даже заплывшими глазами он смог оценить внешние данные ангела-спасителя.

Едва глаза вернули себе утраченные формы, я позвонил и выразил желание отблагодарить будущую подругу. Подруга не возражала. Закрутился роман, и крутится до сих пор...

Если вы спросите, каким образом я спас ее, отвечаю: ведь если бы бандиты не спросили дорогу в театр у меня, спросили бы у нее. Пришлось бы делать пластическую операцию. Посему Вероника должна мне быть благодарна до конца дней. Но я, как благородный человек, никогда ей об этом не напоминаю. Барышня она неплохая, умеет готовить и по всем параметрам устраивает мою капризную натуру. В общем, я не жалею, что не успел тем двоим показать дорогу в театр.

Бежать в ЗАГС я не тороплюсь. Надо все подсчитать и

взвесить. Где будем жить, на что кормить детей... Хотя мой мудрый папаша сказал примерно следующее: сынок, природа устроила нас так, что именно в молодости мы совершаем самые безрассудные поступки. Если бы человек в двадцать лет был также расчетлив, как в сорок пять, человечество бы вымерло. Если хотите пожениться – женитесь, а не просчитывайте на компьютере варианты. Конец цитаты.

Но папаша – человек старой формации, сейчас такая жизнь, что без расчетов никуда...

Но я отвлекся, а за рулем отвлекаться нельзя.

Не знаю, почему Мышкин велел купить цветы именно на рынке, а не в ларьке. По-моему, никакой разницы. Главное, не на кладбище. Завянут через три дня одинаково успешно. Но раз на рынке, значит, на рынке. Я не удивлюсь, если он проверит...

Свернув с улицы Марата, я втиснул мустанга на свободное место и отправился на Кузнечный рынок, захватив с собой папку с документами и магнитола. На всякий случай. Дверные защелки в мустанге открываются согнутой дамской шпилькой, поэтому все забирать с собой из салона вошло в привычку.

Долго ковыряться среди букетов не стал, выбрал первый попавшийся, вписывающийся в нужную сумму. Белые розы, как в старенькой песне. Вручил бабуле кавказской национальности три свернутые купюры, получил цветочки. Убирая кошелек в поясную сумочку, зацепил взглядом кусочек

мраморного пола...

Паспорт... Заграничный. В коричневых корочках. Вещь при некоторых обстоятельствах бесценная. Знаю это по опыту работы в профильной организации. Видимо, кто-то потерял, покупая цветы. Валяется рядом с прилавком, украшенный отпечатком грязного ботинка. Возможно, моего. Поднимаю.

«Черноротов Игорь Борисович»

– Мамаша, не ваш документик?..

Вопрос глуповат: продавщица похожа на Черноротова, как я на Кристину Агилеру. Но ничего другого мне в голову в текущую секунду не пришло.

– Дай-ка... Нет, это не мой. Это иностранный.

Ответ еще глупее.

– Потерял, наверное. Сейчас здесь иностранцы шастали.

Вон они, у клубники гуляют.

Я хватаю паспорт и, расталкивая покупателей, иду к лоткам с клубникой и черешней. «Хелло, гайз, чей аусвайс?» Стоп... При чем здесь иностранцы? Паспорт, хоть и зарубежный, но родной, российский. И потерял его россиянин.

Возвращаюсь к бабке.

– Не их... Надо Черноротова этого найти. Человек волнуется, как бы insult не заработал.

– Так ты пойдешь к администрации, объяви по радио. Вон, ступеньки вверх...

На сей раз совет дельный, и грех им не воспользоваться. Охваченный заботой о неизвестном близком, иду. Объясняю администрации ситуацию, получаю в руки микрофон.

– Черноротов Игорь Борисович. Ваш заграничный паспорт находится у меня, ой, у администратора... Не волнуйтесь.

Любопытно, что никто и не волновался. Ни через минуту, ни через три. Я повторил объявление. Реакция та же.

– Ушел уже, – прокомментировал опытный администратор, – ты оставь его на прилавке. Вспомнит, вернется.

Собственно, верно. Почему я должен волноваться за чей-то паспорт? Нечего vareжкой хлопать. У меня своих дел по горло.

Спускаюсь вниз, вручаю документ бабуле.

– Мать, пусть у тебя полежит. Вдруг хозяин вернется.

– Да пускай лежит, много места не занимает.

– Кстати, даю бесплатный совет. Если придет, ты за находку «лавэ» попроси.

– А сколько?..

– Рублей пятьсот, не меньше. Штука ценная. Не сомневайся, хозяин, отслонявит без вопросов.

Сжимая букет и нахваливая себя за проявленный гуманизм, возвращаюсь к мустангу. И очень вовремя, потому что к нему подбирается подлый эвакуатор. Черт, я нечаянно перегородил выезд со двора. Безо всякого злого умысла. Я успеваю улизнуть, люди из эвакуатора в бессильной ярости

машут вслед кулаками. Пролетели ребята с тремя тысячами прибыли!..

Как-то раз на моего мустанга все-таки накинули аркан. Причем, я выскочил из него всего на пару минут – купить воды. И никому он особых помех не создавал. Но вдруг, словно из-под асфальта, появились злые ребята в спецовках. Вместе со своей баржой на колесах. Как я ни умолял, скакуна увезли в штрафную конюшню и, пока я не облегчил кошелек, не вернули. Это был настоящий произвол. Даже я, юрист со средним образованием, помню, что машину можно эвакуировать, если нет иных способов ее убрать. А я был готов ее убрать без лишних вопросов, что и попытался объяснить. Но это еще больше разозлило борцов за чистоту дорог. Не любят у нас шибко умных...

До Балтийской я доехал без приключений. По радио обсуждали строительство двух заводов в пригородах Питера. Немецкого и японского. Планируют выпускать «мерседесы» и «тойоты». Я плохо представляю себе «мерсак» отечественного производства, но немцы гарантируют контроль качества. Ничего не боятся капиталисты! Лишь бы мощну набить еще больше. Я бы на их месте ни за что не рискнул. Работать-то будут наши. Вернее, не будут.

В офисе на Балтийской все в сборе. Во главе с Анютой, которая здесь появляется не так часто. Дима Водолеев, тридцатилетний менеджер, обрабатывает какую-то расплывшуюся тетеньку, впаривая ей тайм-шер и с собачьей преданно-

стью в глазах доказывая, что тетенька отдохнет всего за пять сотен вместо обычной штуки. Про то, что хозяева отеля в рекламных целях предоставляют апартаменты вообще бесплатно, Дима нагло умалчивает.

Вообще, он прирожденный торгаш, и я удивляюсь, почему он до сих пор не владелец какого-нибудь супермаркета, а скромный менеджер турфирмы. Не так давно Дима поменял квартиру. Прежде чем перевозить барахло, прикупил пианино для дочки. Заказал доставку на восьмой этаж, оплатил. Но при оформлении перепутал корпуса домов – не выучил еще адрес, как следует. В итоге грузчики притащили инструмент в соседний дом, где их никто не ждал. Когда дозвонились до Водолеева, тот схватился за голову. Подъем на этаж стоил две сотни, столько же спуск и столько же еще один подъем. Музыка влетала в копейку. Раскошелиться Дима категорически не желал. Прогнав грузчиков, он позвонил в ближайшую квартиру и предложил купить у него лучшее в мире фортепиано, на котором когда-то музицировал великий Рахманинов. Женщина, открывшая дверь, заявила, что у них в семье никто не умеет играть на пианино. «Зато в нем удобно хранить банки с вареньем и огурцами!» В итоге, после сорокаминутных торгов, инструмент перешел к новым хозяевам за цену, в которую входила и стоимость доставки. Дима же просто купил себе новый...

Я незаметно проскакиваю на кухню, чтобы Юлька не увидела раньше времени цветов, ставлю их в вазу, после нахожу

в одной из комнат Анюту.

– Почему так долго, Артем?..

– На рынок заезжал. За цветами. Они на кухне.

– Ладно, давай документы.

Я протягиваю папку и жду дальнейших указаний. Анята раскладывает на столе бумаги. Неожиданно ее лицо приобретает цвет неба перед грозой.

– А паспорт где?..

– Какой паспорт?

– Здесь должно быть два паспорта. Один вот, а где второй?.. Черноротова Игоря Борисовича?

Ч-ч-черт!...

Черноротов... Игорь Борисович...

Видимо, паспорт выпал из папки, когда я покупал цветы. Меня окатывает жаром, потом холодом, кержаковская футболка прилипает к спине.

По выражению моего лица Анята догадалась, что с документом случилось беда. По выражению ее лица я понял, что у нее предынфарктное состояние. Поэтому увиливать не стал.

– Он там... На рынке... Я его нечаянно... Сейчас съезжу. Не волнуйтесь, Анна Сергеевна...

– Не волнуйтесь?! Да ты хоть знаешь, кто такой Черноротов?!..

– Нет, – уверенно отвечаю я.

У Аняты спазм в горле.

– Это же... Это же...

И без продолжения понятно, что Черноротов далеко не оптовик-торговец, едущий по «горящей» путевке в Египет или Турцию.

– Завтра в Лондоне у него подписание контракта! Я пообещала ей сделать визу за два дня! Сегодня в девять вечера он с женой вылетает из Пулково, а в четыре придет за паспортом... И если...

Продолжения я не слышал, потому что летел к мустангу. Не исключено, что фраза заканчивалась трагически: «И если паспорта не будет, мы все умрем. Долгой и мучительной смертью...»

Я вонзаю шпоры, то есть вжимаю педаль газа в пол, и нагло вклиниваюсь в транспортный поток, игнорируя злобную ругань автолюбителей и автопрофессионалов.

«Авиакомпания „Автоваз“ приветствует вас на борту лайнера „Боинг – 2108“ и желает приятного полета... Пристегните ремни и выпейте водки...»

Ничего себе денек начинается!..

В городе пик пробок. Прочно, как в капкане, застреваю перед мостом через Обводный. Нервно постукиваю кулаками по рулю. Радио раздражает – выключаю. Срываюсь на красный, чуть не протаранив джип. Выскакиваю на набережную и мчусь во весь опор, плюнув на возможные стычки с ГИБДД. На кону моя репутация суперкурьера, завоеванная в упорных боях на городских магистралях. Репутацию зара-

батываешь годами, а потерять можно за один день. Никто не посмеет назвать меня человеком рассеянным!..

Через полчаса я в квартале от Кузнечного. На мобильный звонит Аня. Я не отвечаю. Бросаю машину, иначе столько же времени потеряю на парковку возле рынка. Дальше бегу бегом, расталкивая прохожих локтями. Получаю кулаком по спине, но не реагирую. Лишь бы бабуля не продала свои цветы, лишь бы не свалила с рынка...

Бабуля на месте! Я спасен! Мы спасены! Мы не умрем!

– Мать, давай паспорт!..

Капелька пота на левом виске. На моем виске.

– Так он же не твой.

– Мой! Вернее, не мой, но это я его потерял!

Капелька пота на правом виске. На моем виске.

– Как это «потерял», если он не твой?.. Ты меня не путай!

– Мать... Объясняю доходчиво. Я – курьер. Вез чужие документы. Нечаянно уронил паспорт, когда покупал у тебя цветы. Понятно?

– А чего ж ты мне сказал, чтоб я отдала их хозяину?

– Потому что не знал, что везу этот поганый паспорт!..

Гони обратно!!

– Так я... это... отдала.

Ручеек пота из-под бейсболки.

– Кому?!!

– Хозяину... Сам же сказал.

Горный поток.

– Какому еще, в жопу, хозяину?!!

Оживление в торговом зале. Мой вопрос привлек внимание общественности.

– Чего ты пристал?! Подошел мужчина, спросил, не найдется ли паспорт? Я отдала. И даже денег не взяла! Он сам мне сунул.

Ниагара...

– Врешь!!! Хозяин этого паспорта по рынкам не ходит! Даже по большой нужде!..

– По рынкам все ходят. Не мешай работать!

Меня осеняет. Она просто хочет денег. Сам же присоветовал. Спокойно, спокойно...

– Послушай, женщина. Давай договоримся. Я плачу тебе тысячу рублей (в кармане всего пятьсот на бензин, но это сейчас неважно), а ты возвращаешь мне паспорт.

– Сказала же, отдала!

– Как хоть он выглядел?!

– Что я, запоминать должна? Обыкновенно. Как все.

– Я сейчас из твоих цветочков гербарий сделаю! Сразу вспомнишь!..

– Пошел прочь! Охрана, охрана!!!

«Торговое место находится под охраной частного предприятия „Хоттабыч“».

– Ах, ты... ваххабитка старая!!!

На безлимитный мобильник звонит Анята.

– Все в порядке, Анна Сергеевна. Паспорт нашелся. Скоро

буду.

На мое плечо опускается волосатая ладонь размером с лепешку динозавра.

– Какие проблемы, друг?

Я хочу освободиться от лепешки и продолжить дознание, но это пустая затея. Меня подхватывает за шею вторая ладонь и под бурные кавказские аплодисменты вежливо несет в направлении выхода.

– Пусти, абрек нерусский!!!

Соппротивление бесполезно. Люди свое дело знают. Других здесь не держат.

– Пусти!!!

Отпускают меня сразу за воротами. Без насилия.

– Уходи, друг.

Бросаюсь назад, в торговый зал, но попытка проваливается. Этот рынок закрыт для меня навсегда.

– Пусть вернет паспорт! Или скажет, кому отдала! Где ваш директор?!!

– Уходи, друг... Убью.

Это сказано таким тоном, каким в аэропортах объявляют, что рейс задерживается в связи с нелетной погодой. Протестовать против нелетной погоды бессмысленно. Но паспорт надо вернуть.

– Эй, брат...

Оборачиваюсь. Слева от входа ровесник в такой же, как у меня, зенитовской футболке. На голове – сине-белая бан-

дана. Торгует водой, лимонадом и мороженым из холодильника на колесах. Номер «восемьдесят восемь». Александр Горшков.

– Что стряслось?..

Я, как сумел, объяснил, вытирая мокрое лицо бейсболкой.

– Покарауль телегу, я сейчас.

«Восемьдесят восьмой» вышел из-за холодильника и исчез в каменных джунглях рынка. Вернулся он минуты через три, в течение которых я безуспешно пытался взять себя в руки.

– Короче, люди сказали, что Гюльчатой реально продала паспорт. За тыщу рублей.

– Кто продал?!

– Ну, эта, цветочница. Гюльчатой у нее кликуха. Рожа страшная, как у Оззи Осборна.

– А кому продала?

– Земляку своему. Вахиду. Стопудово. Он тут частенько ошивается.

– А на хрена ему чужой паспорт?

– За сотню баксов хозяину вернет. А то и за две. Ты, короче, обойди рынок, он там, на Достоевского, свое ведро бросает. Зеленую «шестеру». Может, еще не уехал. Мелкий такой, лет тридцати. С усами. Азер, кажется. Или даг.

– Понял!

– «Зенит» – чемпион!

– Воистину чемпион! Спасибо, брат!..

Вот оно, фанатское братство! Вместе мы – сила!

Погода летняя. Есть шанс, что Черноротов все-таки окажется в Лондоне и подпишет контракт. Бегу! Поворот, занос, улица Достоевского. Машины, машины, машины... Ну, ищи, ищи! Нет зеленой «шестерки». Улетел усатый Карлсон...

В бесплодных попытках увидеть цель мчусь по улице Достоевского. Выскакиваю на Свечной. Пробка. Как вы догадались, не от шампанского. А в пробке... Она!!! «Шестерка»! Зеленая! Зелененькая... Уезжает, сволочь!!!

До моего мустанга минута спринтерского бега. Поливаю я быстрее Александра Кержакова, бегущего к воротам. Много быстрее. Правда, без мяча. На подлете отключаю сигнализацию, прыгаю в седло, без промаха всаживаю ключ в замок зажигания, левая нога бьет по педали сцепления, правая рука втыкает сразу вторую передачу. Пуск! Мустанг ржет, встает на дыбы и несется вперед. По тротуару. Огородами. Через двор срезаю угол. Далек не уйдешь, гад!.. От суперкурьера еще никто не уходил!..

Опять оскорбления. Не сбил, и радуйтесь себе тихонько. Вот ведь народ: едешь по правилам – козел, нарушаешь – еще больший козел!.. И как после этого жить прикажешь?..

Звонок. На экране мобилы – номер Вероники. Наверное, хочет узнать, как у меня дела. Она всегда звонит в это время. «Дела у меня замечательные, потому что я полный мудака...» Извини, любимая, некогда мне. спасаю будущее российско-британского бизнеса!

«Шестерка» сворачивает на Лиговку. Отлично! Там он особо не разгонится – сплошные светофоры. Я пришпорил коня – пошла, старая кляча!..

А вдруг это не та «шестерка»? Нет, нет, она, я сердцем чувую. Откуда в одном месте возьмутся две одинаковых тачки? Да еще с кавказцем за рулем?.. Номера питерские. На всякий случай запоминаю. Восточный друг правил не нарушает. Бойтись нарваться на ментов. К «черным» у наших гаишников особый подход. Так что лучше не нарушать. Ну и мы не будем... Главное, не делать резких поворотов и рывков.

Близко не прижимаюсь, вдруг этот Вахид заметит хвост и пойдет в отрыв? Гоняйся за ним потом, как на ралли Париж-Дакар. А куда мы, кстати, едем? По Московскому проспекту в сторону выезда из города. Лишь бы не на родину собрался. У меня сено для мустанга кончается. В смысле – бензин.

О худшем думать не хочется. Но приходится. Предположим, Вахид не отдаст паспорт. Не знаю, что будет с контрактом этого Черноротова, но рабочего места я лишусь точно. А найду ли подходящее, еще вопрос. Здесь работенка хоть и не сахарная, зато стабильная. Придется ползать по знакомым или читать объявления в газетах. На крайняк устраюсь адвокатом к какому-нибудь олигарху. Юрист ведь все-таки, хоть и средний. Глядишь, и на «мерина» заработаю. Правда, душа не лежит. Не мое это... А что мое? Об этом после. Задача минимум – сохранить должность суперкурьера.

А почему этот мусульманин не должен вернуть мне паспорт? Главное, поговорить по-человечески. Пообещаю заплатить, в конце концов. Что, он не человек?..

По радио завели песенку про черный «бумер», катающийся под окном. Я автоматически перепел ее в голове на более соответствующий моменту манер:

Черный умер, черный умер – под окном валяется,
Черный умер, черный умер – паспорт возвращается...

Площадь Победы. Отсюда два пути – на Москву и на Киев. Выбрана Москва. Я несколько раз ездил по этой трассе и знаю, что ближайший крупный населенный пункт – Колпино. По встречной полосе мчит «форд» с таким же зенитовским флажком на антенне, как у меня. Подмигивает фарами, я подмигиваю в ответ. Свои...

Однако бензиновая стрелка угрожающе приближается к нулю. Сейчас замигает лампочка. Когда ж ты приедешь, сын гор?..

Поворот на Колпино. Вахид промчался мимо, не свернул. Черт!.. Может, подрезать его? Опасно, трасса скоростная, устрою «принцип домино» минимум из пяти авто. Бензинчик, бензинчик... Только не кончайся!

Поселок... Названия не заметил. Он включил поворотник! Наконец-то!.. Правый поворот, сходит с трассы. Значит, приехали.

Я не стал притормаживать, чтобы не дать ему оторваться. Если заметит – еще и лучше, остановится, спросит, в чем дело. А я ему подробно отвечу.

Отвечать, кстати, лучше не с пустыми руками. На пассажирском сидении валяется кочерга для блокировки руля. Телескопическая, с килограммовым замком на конце. В бою я пока ее не испытывал, но, думаю, эта штука не хуже бейсбольной биты – национального оружия российских автомобилистов.

Еще один поворот. Вдоль дороги тянутся дачные коттеджи. Метров через триста «шестерка» притормаживает и въезжает во двор недостроенного кирпичного особняка. Несколько работяг копошатся на его стенах, словно муравьи на кусочке сахара. Я паркуюсь на обочине, глушу движок, хватаю кочергу и, насупив брови, иду на правое дело. Главное сейчас – внезапность.

Усатый, не суетясь, выполз из «шестерки», открыл багажник и принялся выгружать на травку пакеты. Судя по торчащим палкам докторской колбасы – со жратвой. Пара работяг вышли из особняка, чтобы помочь ему. На лицах заметна радость. Покушать привезли.

И тут появляюсь я! «По заказу наших дорогих гостей из солнечного Азербайджана исполняется песня „Отчего так в России березы шумят“».

– Где паспорт?!!

Джигит резко оборачивается. На небритой роже – ужас

вселенского масштаба. Будто перед ним не скромный курьер с кочергой в руке, а президент Буш с ядерной боеголовкой. Краем глаза замечаю, что двое шедших на подмогу бросаются в разные стороны, сигают через забор и уносятся в поля. Работяги, до этого мирно клавшие кирпичи, швыряют мастерки, прыгают со стен и растворяются в пространстве, как таблетка аспирина в стакане с водой.

– Паспорт? – еле слышно переспрашивает джигит.

– Да!!! – подняв на всякий случай кочергу, грозно подтверждаю я.

– Сейчас... Он там, – волосатый палец указывает на особняк.

Хозяин «шестерки» скачет к дверям, оставляя меня в легком недоумении. Как паспорт мог оказаться в доме, куда товарищ еще не заходил?.. Пока я искал ответ на логическую задачку, джигит возвращается, выставив перед собой развернутый мандат, словно щит.

– Пожалуйста... Регистрация есть. Вот... Позавчера получил. На два месяца. Не бейте...

Я открываю паспортину.

«Папаяну Николай Ионович... Республика Молдова. Временная регистрация в Санкт-Петербурге с такого-то...»

– Не понял... А ты чего, не Вахид?..

– Виноват, начальник!.. – со слезой в голосе отвечает молдаванин. – Только не бейте!..

Я опускаю кочергу.

– Ты на Кузнечном был сегодня?..

– Да. Кушать покупал... Не бейте... Пожалуйста...

Делаю последнюю попытку.

– А где паспорт, который у Гюльчатай купил?..

Папаяну вновь прикрывает лицо руками...

– Ничего не покупал, клянусь... Кто такой Гюльчатай? Не бейте.

Это задница... Я медленно опускаюсь на траву, чувствуя, как подкашиваются ноги. Папаяну продолжает стоять. Угрозило этого дурня приехать на Кузнечный именно на зеленой «шестере»... Какое трагическое совпадение! Шутка судьбы-индейки. Тьфу, злодейки...

И что теперь делать? Смотрю на часы. Без пяти двенадцать. Если Вагиф-Вахид позвонит Черноротову раньше меня, на моей карьере можно смело ставить жирную точку. После такого «прокола» меня не возьмет ни одна уважающая себя фирма. Не помогут никакие рекомендательные письма. Да и «Парадизу» не позавидуешь. По судам затаскают. Один моральный ущерб перевесит весь годовой оборот. Бедная Анюта!..

Звонит мобильник. Легка на помине...

– Не волнуйтесь, Анна Сергеевна! Паспорт у меня... В пробке застрял. Тут авария под мостом. С жертвами. Дорогу перекрыли... Постараюсь...

Авария не под мостом... Но жертвы будут.

Так, хватит глотать сопли и сидеть на травке. Судя по раз-

говору, Черноротов в «Парадиз» еще не звонил. Значит, и Вахид не звонил Черноротову... Пока есть хоть один шанс из миллиарда, я должен его использовать. Черноротов придет за паспортом в четыре. У меня ничтожно мало времени. Но все-таки есть.

Для начала нужно найти бензин.

– Мужик, у тебя сколько в баке?

– Не понял... Не бейте!..

– Бензин у тебя есть?

– Понял... Да... Литров двадцать.

– Сливай. Я заплачу.

Молдаванин бросается к «шестере».

– Не надо ничего платить! Возьмите на здоровье.

Из багажника извлекается канистра и шланг. Через пять минут бензин у моих ног.

– Пожалуйста. Все, что есть.

Я заправляю мустанга, сажусь за руль.

– Ты Вахида, случайно, не знаешь? С Кузнечного. Маленького такого, с усами. Азербайджанца?

– Нет... Не бейте... Его Азир знает. Он там всех знает.

– Что еще за Азир?..

– Старший у них. За порядком следит. Сегодня арбузы привозил...

– Ладно. Чего работяги-то твои разбежались?

– Какие «работяги»? Я тут один работаю, клянусь честью!

Это воры, наверное. Чтоб им провалиться.

– Ну, счастливо.

В глазу мужика серебрится слеза.

– Вы первый, кто меня не бьет... Дай вам Бог здоровья и высокого чина!..

Мустанг, взвизгнув шинами-копытами, срывается в галоп. В заднее зеркало вижу улыбающегося Папаяну. Молдаванин машет рукой, а затем крестится. Бедняга! Здорово его тут мордует ОМОН и миграционная служба. Или, как она там называется?.. Он подумал, что я оттуда. А я вместо того, чтобы искать Вахида, распугал несчастных молдавских гастарбайтеров. Хотя не такие уж они, наверно, и несчастные. Настоящие, уважающие себя гастарбайтеры на машинах, даже лохматых, не ездят. И жратву на Кузнечном рынке не покупают – дороговато для них. Живут в картонных коробках и хавают из ближайшего мусорного бака.

Чтобы немного успокоиться и настроиться на рабочий лад, включаю радио. В Тихом океане тонут японские рыбаки. Идет спасательная операция. Мне бы их проблемы!.. Музыканты собирают средства голодающим Африки. Ну, накоплют. А дальше что? Они ж снова есть захотят...

Новости кончаются, начинает голосить непобедимая российская попса. «Ты спросил, у лифта стоя – сколько твое сердце стоит?» Выключаю.

Мчусь по Московскому шоссе в обратном направлении. На Кузнечном рынке, если повезет со светофорами, буду не раньше тринадцати ноль-ноль. На поиски паспорта останется

три часа.

На въезде в город, как нарочно, пробка. Перевернулся КамАЗ с прицепом. Скрипя от досады зубами, пытаюсь протиснуться без очереди. Застреваю еще больше. У мустанга закипает движок. Наверное, полетел предохранитель вентилятора. Извини, брат! Чинить некогда. Терпи.

Наконец мне удастся вырваться. Обводный, Лиговка, Свечной, Достоевского, рынок. Жара. Бедный мустанг! Мне кажется, у него вздымаются бока. Отдыхай, верный друг! Тебе еще предстоит тяжелый заезд.

«Восемьдесят восьмой», слава Богу, стоит на прежнем месте.

– Ну как, нашел Вахида?..

Объясняю ситуацию. Брат по вере подтверждает слова молдаванина.

– Да, Азир здесь всех знает. Только вряд ли скажет.

– Почему?

– Глупый вопрос. Зачем?

– Может, денег предложить?..

– У него их и так много. С ним по-хорошему надо, по-доброму. Вот он, кстати, выполз...

В метрах трех от нас, у ворот рынка, стоит толстопузый кавказец в «адидасовском» костюме, обмахиваясь куском картона. На бычьей шее болтается на золотой цепи золотой мобильный телефон.

– Азир! – окликает «восемьдесят восьмой». – Разговор

есть!

– Чего такое?..– Азир подходит к нам, продолжая обмахиваться веером.

– Позвони Вахиду, скажи, чтоб на рынке завтра не появлялся.

– Почему? – настораживается торговый авторитет.

– Башку проломают. И тачку сожгут. Вот, друг мой базар сейчас слышал, – «восемьдесят восьмой» кивнул на меня. – Одному «скину» сегодня на Достоевского «мерсак» помяли, когда парковались. А какая-то сволочь стуканула, что это вроде Вахид своей «шестерой». «Скин» со своими его завтра с утра собирается встретить. У «скинов» и так на вас зуб, а здесь еще и «мерсак». Раскатают всухую. Жалко будет. Вахид мужик нормальный, пальцы не гнет... Позвони!

– У него «трубы» нет! Все денег жалко, – следует нервный ответ на русском языке с небольшим акцентом. – Марамой...

– Так домой сгоняй.

– А работать кто будет?

– Говно-вопрос! Вон, друг на тачке, так и быть, сгоняет, – «восемьдесят восьмой» кивает в мою сторону.

– Правда?..

– Мамой клянусь!..– подтверждаю я, врубившись в тему. – Давай адрес!

– Он в Горелово сейчас... У бабки одной дом снимает.

– Улица-то какая?

– Не помню я! За КПП сворачиваешь направо, за желез-

нодорожным переездом налево и поливаешь до упора. Последний дом на улице. Не заблудишься.

– Горелово? – уточняет «восемьдесят восьмой», – Так это два ломтя по карте! Ты б на бензин подкинул пятисоточку, а? Потом с Вагифа стрясешь.

Азир без возражений извлекает из висящей на пузе сумочки нужную купюру и протягивает мне.

– Спасибо, друг... Нужны будут арбузы, не стесняйся. Самые лучших сделаю.

– Да не за что. Я «скинов» сам не люблю. Они нашего фана после игры отпинали, суки бритые...

Азира окликают, и он исчезает с места действия.

– А если б он позвонил?..– спрашиваю у «восемьдесят восьмого».

– Тогда бы ты остался без адреса, – улыбается тот. – Слушай, долю-то зашли малую. По совести.

– Да хоть все забирай, – я кладу деньги на лоток.

– Все не надо. Свои же люди, – он отсчитывает двести пятьдесят рублей сдачи. – «We are the Champions, my friend!..»

– Это точно! «Мы сегодня победим!»

На часах половина второго. Горелово – это на юго-западе, по Таллинскому шоссе. То есть еще час уйдет на дорогу. Должен, должен успеть...

Верный друг чуть остыл, хотя из-под капота еще струится дымок. Флажок на антенне безвольно поник. Прости, ко-

няшка, загнал я тебя. Терпи... Выкручусь, получишь и новый предохранитель, и свежее масло в подарок.

На Загородном перекрыто движение. Пожар. Горит парфюмерный магазин на первом этаже. Хорошо горит. Самое страшное – мустанга поджал сзади «лендкрузер», и теперь мне не вырваться из западни, чтобы объехать по соседней улице. Приходится ждать, пока пожарные закончат свое благородное дело и уберут с дороги машины.

Полностью открываю оба окна, чтобы не задохнуться на жаре. Нервно наблюдаю за огнеборцами. Не очень-то они торопятся. Правда, пламя уже сбили. Из разбитых витрин валит черный дым. Слышны хлопки взрывающихся флаконов. В воздухе висит аромат Франции. Узнаю туалетную воду «Жан-Поля Готье». Мне такую подарила Вероника на день рождения. Обнаженный мужской торс в жестяном футляре...

Тут же бегают взъерошенный хозяин магазина. На беднягу больно смотреть. Костюм безнадежно испорчен сажей и пеной. Да, попал мужик... Надо было соблюдать противопожарную безопасность и жить по правилам.

Считаю про себя секунды, о которых раньше думал свысока. Давайте, мужики, давайте! Черт с ним, с магазином, все равно сгорел, дорогу освободите...

Героический пожарный в брезентовой робе выскакивает из магазина, снимает с башки гермошлем, вытирает мокрый лоб и, не стесняясь хозяина, кричит в сторону начальства,

стоящего у машин.

– Андреич, у тебя какие волосы? Сухие или жирные?

– В смысле?

– Ну, какой шампунь брать?

– А... И те, и другие.

– Понял!

Герой вновь скрывается в дыму...

Через десять минут одна из пожарных машин наконец отъезжает, и мустанг бросается в образовавшуюся брешь.

Двести пятьдесят рэ, полученные от Азира, я оставил на контрольно-пропускном пункте ГИБДД. Как вы догадываетесь, за неуважение к милицейской форме, выраженное в двукратном превышении скорости. Рассказывать утомленному солнцем инспектору о своих личных проблемах было делом пустым, поэтому я без лишних вопросов сунул в окно наличность, доказав, что милицию уважаю.

Четырнадцать тридцать три. Я застреваю на железнодорожном переезде. Товарняк ползет издевательски медленно. Начинаю закипать вместе с мустангом. Ему легче: можно выключить движок. А я свой движок не могу выключить при всем желании. Молочу кулаками по рулю и грязно матерюсь, чтобы снять напряжение. Перехожу на дробь и на скороговорку. Быстрее, быстрее ползи, червяк земляной!..

Пиликает мобильник. Не взглянув на дисплей, догадываюсь, что беспокоит Анюта. Догадываюсь по мелодии старенького хита: «Ах, зачем ты страшная такая?..» Трубку не

беру. Ничего нового я оттуда не услышу. В пробке я, в пробке!..

Вот наконец показался последний вагон. Я обхожу очередь из машин по обочине и нагло втискиваюсь перед се ребристой «тойотой». Дамочка за рулем вытягивает средний пальчик. Не реагирую. Одним пальчиком больше, одним меньше...

Шлагбаум поднимается. Стартую. Первый поворот направо. Или налево?.. Нет, все-таки направо. Гоню по ухабистой дороге мимо разноцветных дачных домиков и участков с клубникой. Еле разъезжаю со встречным мотоциклистом. Дохожу до точки кипения. Еще немного – и взорвусь, словно противотанковая граната.

Последний дом! Наконец-то. По сравнению с другими, здорово запущенный и, на первый взгляд, необитаемый. На огороде вместо клубники вымахал бурьян в человеческий рост. Но мне это «до сиреневой звезды». Ведь во дворе стоит зеленая «шестера»!!! Разве может быть что-то прекрасней?!

Кочерга в руке, динамит в голове! Вперед! Как говорят футбольные комментаторы: надо искать счастье у чужих ворот.

Калитка, тропинка, дверь. Удар ногой по центру. Не заперто. Welcome to hell! Здесь всегда рады гостям.

Не буду останавливаться на описании внутреннего убранства домика и господ, оказавшихся внутри его убогих стен. Замечу вскользь, что находилось там пять-шесть бородатых

субъектов. Я не собирался их пересчитывать, разглядывать и тем более знакомиться. Глаз мгновенно вычленил лысого усатого толстяка, и этого было достаточно.

Не могу повторить свой приветственный спич дословно, да в этом и нет нужды. В целом все свелось к следующему – если ты, пес облезлый, не вернешь паспорт, купленный у Гюльчатай, я убью тебя и всех твоих гостей с Кавказа, а дом спалю к...

Правая ладонь при этом сжимала кочергу, а левая вцепилась в отвороты давно не стиральной, пропахшей рыночным потом рубашки Вахида. То, что это именно он, у меня сомнений не было. Дважды снаряд в одну «шестерку» не попадает. Гости тут же бесшумно исчезли, словно тени в полдень, и больше не появлялись. Кому захочется связываться с безумным юношей в зенитовской футболке, орущим так, что трясутся стаканы на столе и стекла в оконных рамах?..

Прошу поверить: по жизни я человек спокойный и уравновешенный, старающийся жить по правилам. Вывести из себя меня можно крайне редко, например, спросив восемь раз подряд одно и то же. Но в эту минуту я напрочь потерял контроль и испугался самого себя. Больших трудов мне стоило уговорить собственное «я» не опускать кочергу на покрывшееся испариной темечко Вахида и не начать громить мебель.

Но, как говорится, нет худа без добра. От меня, видимо, исходила такая позитивная энергетика, что Вахид не выка-

зал даже намека на сопротивление. Поначалу он, правда, попробовал задать наводящие вопросы, но, услышав наводящие ответы, тут же выудил из заднего кармана паспорт со следом ботинка на обложке и с поклоном протянул мне.

– Пожалуйста... Извини, друг...

Он! Родной! Любимый! Коричневый, как...! Я опускаю кочергу, прекращаю насилловать голосовые связки. Вот оно – счастье! Нашел! Отлегло...

Вам не понять этого чувства. И никому не передать. Разве что Виктору Пелевину. Но его нет с нами, а значит, момент навсегда потерян для истории. Мне даже неинтересно, зачем Вагифу левый паспорт. Главное, он у меня.

– Ладно, живи пока...

Чтобы не подставлять «восемьдесят восьмого», запускаю заученную версию:

– На рынке завтра не появляйся. Тебя «скины» пасут. Порвут на тряпочки.

– Спасибо, друг!..

Выбегаю во двор, целую в горячий капот мустанга и прыгаю в салон. У меня целый час. Даже если коняшка откажется ехать или застрянет в непроходимой пробке, или Нева выйдет из берегов, я не опоздаю. Добегу бегом, доплыву, долечу, доползу! Ведь я суперкурьер! Нет – мегакурьер!..

Сравниваю отпечаток на паспорте с рисунком на моей подошве. Точно – мой след. Совпадает... Плюю и вытираю...

Ровно без пяти четыре я на Балтийской. Слету узнаю Чер-

норотова, который сидит в кресле, но не узнаю Анюту. Перенервничал человек. Было бы из-за чего!..

– Артем?... Где?...

Обычно таким голосом тяжелораненый зовет на поле боя медсестру или медбрата. И брат здесь! Зов услышан!

– Что?

– Па-а-а-спорт...

– Ах, паспорт... Пожалуйста. Я ж предупреждал: в пробке застрял. Бардак на дорогах, четыре часа простоял. Я собираюсь писать жалобу губернатору...

Представьте выражение лица человека, которому объявили, что вместо мучительного четвертования его просто повесят. У Анюты сейчас именно такое лицо.

Какое это удовольствие – делать людей счастливыми. Особенно за материальное вознаграждение... Вечером Анюта вручила мне сто долларов премиальных. Уверен – не потеряй я паспорт, хрен бы чего получил...

Три дня спустя я сидел во дворе нашей старой пятиэтажки и, попивая пиво, трепался за жизнь со своим другом детства, юности и зрелости – Егором Викторовичем Глазуновым, или просто Егоркой, живущем в соседнем подъезде.

О Егорке надо сказать особо. Никакого отношения к знаменитому живописцу он не имеет, просто однофамилец. Я знаю его примерно столько же, сколько себя, поскольку наше становление и возмужание проходило в одном дворе. Егорка

старше меня на два года, у него уже есть жена и пацан трех лет. Причем, женат он безнадежно, то есть в отличие от меня, сукина сына, на посторонних женщин не заглядывается. (А я, втайне от Вероники, симпатичные ножки стараюсь не пропускать, правда, без тяжких последствий.)

В детстве мы с Егором гоняли мяч за одну команду, играли в войнушку за одну роту, били стекла за одну идею, вместе пробовали водку и клеили девчонок. Короче, дружили, и разница в возрасте нам особо не мешала. Жил он вдвоем с матерью, после свадьбы привел в двухкомнатную квартиру и жену. Отец оставил семью, когда Егорке было семь лет. Уехал в командировку за Полярный круг и не вернулся. Я дядю Витю помнил смутно.

Егор обладал натурой поэтической и романтической. Поэтому после вручения аттестата он пытался поступить в Высшую школу КГБ. Но по каким-то причинам его туда не приняли. Отслужив срочную в «горячих точках» Кавказа, поступил в другую школу. Милиции (не Комитет госбезопасности, но тоже романтическая организация). Которую через пару лет закончил без отличия. И вот уже восемь лет он таскает под мышкой табельный пистолет, в кармане удостоверение старшего оперуполномоченного криминальной милиции, а на погонах капитанские звезды.

Романтика постепенно выветрилась, осталась жизнь, поэтому выглядит Егорка лет на десять старше меня. Поначалу он защищал наш покой и сон в каком-то территориаль-

ном отделе, а ныне служит в Управлении уголовного розыска. Профиль – борьба с налетчиками и разбойниками. Съездив в командировку в Чечню, заработал шрам на виске, железный зуб, какую-то медаль и расписной самовар от щедрот министерства, который загнал на рынке, чтобы купить пацану коляску. Офис его находится в Большом доме на Суворовском проспекте.

Дружба наша не прекращается и по сей день. Она крепка и проверена временем. И если кто-то прикажет Егорке ради меня нажраться в стельку, он сделает это не задумываясь и от чистого сердца. Как, впрочем, и я.

Правда, видимся мы теперь много реже, чем в детстве, что и понятно. У каждого свои проблемы и заботы. Но иногда он звонит мне, и мы выходим во двор, садимся на качели, берем по бутылке-другой пива и изливаем друг другу души. Своего рода психотерапия. Экология души.

Егорка рассказывает мне байки из ментовской жизни, причем некоторые по десятому разу, я – из курьерской. Он жалуется мне на тупых начальников, на прокуратуру, которую почему-то не любит, на бандитов и продажных судей, на маленькую зарплату, я – на гаишников, жуткие пробки, наглых водителей и тоже на маленькую зарплату. То, что он мент, меня не смущает. Я не отношусь с предубеждением к представителям этой нужной профессии, хотя ничего хорошего от них пока не видел, особенно от гаишников. Сам же Егор, хоть и ворчит постоянно, не жалеет, что связал свою

жизнь с милицией. Даже невзирая на то, что не может купить себе подержанные «жигули», не говоря уже об иномарке.

Я не люблю заглядывать в чужие кошельки, но как-то раз мой друг признался, что получает от государства около семи тысяч в месяц. Из чего напрашивается вывод, что в нашем государстве гораздо выгоднее работать курьером в турфирме, чем офицером милиции. Я не имею в виду, конечно, «оборотней в погонах». Егор к ним точно не относится, потому что время от времени берет у меня займы. И вовсе не для конспирации. (Я иногда тоже пользуюсь его служебным положением. Например, бесплатно прохожу техосмотр.)

Еще об одном таланте моего друга нужно сказать особо. Даже не знаю, как этот талант и назвать. Егорка обладает способностью правдиво врать. Нет, все-таки слово врать здесь не совсем подходит, скорее ему все верят, какую бы пургу он не нес, в том числе и правдивую. Причем никаких особых усилий он не прилагает. Природная искренность во взгляде и голосе, у собеседника никаких сомнений, что он слышит истину в первой инстанции. Егорка хохмы ради может представиться полярником или секретным физиком, и ему без возражений поверят. Помню, еще в босоногие годы к нам в школу пришла новая библиотекарша. Забирая книгу, Егорка представился ей Тургеневым. Причем не однофамильцем, а прямым потомком. Наплел про родственников, поделился их рассказами о знаменитом прапрадедушке Ване. Библиотекарша от счастья чуть в обморок не упала. Выписала фор-

муляр на фамилию Тургенева. И еще полгода при виде Глазунова руку к сердцу прикладывала. Надо же – потомок самого Ивана Сергеевича... Потом ей, конечно, глаза открыли. А классная руководительница замечание в Тургеневский дневник накатала – мол, ваш сын занимается подлогом и мошенничеством...

Думаю, настоящие мошенники удавились бы от зависти. Но Егорка мужик правильный. Не знаю, как насчет служебных, но в коммерческих целях он своим даром никогда не пользуется.

В последнее время он стал более раздражительным и нервным, хотя по жизни человек спокойный и трезвомыслящий. Вместо веселых баек слышу сплошной негатив. Сегодняшний день не исключение.

– Тёмыч, это жопа! Большая, жирная жопа... Ты представь. На днях команду взяли. Суровую. Шесть человек, все «черные». С СОБРами брали. У «черных» одних «калашей» было пять штук, «тэтэхи», даже гранатомет. Просто так не сдались – пальбу устроили... Они в Питере уже полгода гасятся, чурбаны. Сборная команда Кавказа по налетам «Заря Востока». Два азера, два грузина, один чечен, а последний вообще не пойми кто, но тоже из тех мест, на рынке Кузнечном ошивался. Шмотья у них целую гору изъяли, аппаратуры. Даже тачку угнанную с липовыми номерами. Стали пробивать – все с разбоев. И не просто разбоев, а с мокрухами. Отморозки полные, людей из-за сраного видика в расход

пускали. Причем, борзые, даже перчаток не надевали. Везде их отпечатки...

Егорка допивает пиво и откупоривает вторую бутылку. Чувствую, до пива было что-то более крепкое. Одергивает свой любимый серый пиджак с коричневыми дерматиновыми заплатками на локтях.

– Короче, сегодня к судье повезли, чтоб санкцию на арест дала. Так эта дура всех, кроме чечена, отпустила на подписку о невыезде!..

– Почему?

– Потому что, оказывается, это граждане чужой страны, и мы не обеспечили им, козлам, переводчика, не сообщили консулам, то есть грубо нарушили их вонючие гражданские права. Это при том, что они по-русски чешут лучше нас с тобой.

– А чечен?..

– Ему не повезло, у него паспорт оказался. А у этих вообще ничего. То есть, то, что они иностранцы, известно только с их слов! Нет, Тём, я все понимаю, демократия демократией, но надо ж и совесть иметь!.. Теперь получается, можно грабить и убивать, а когда поймают, заявить, что ты иностранец и не говоришь по-русски!.. Главное, паспорт с собой не таскать!..

– Может, дело не в паспорте, а в судье? Заинтересовали...

– То-то и оно, что нет... Просто ей с такими бойцами не хочется связываться. Арестуешь, ей же потом их и судить.

Такой порядок. А осудишь неправильно, от родни кинжалом по горлу получишь. Проще отпустить по формальным основаниям и не связываться. Конвойный сказал, адвокат ей всякую хрень нашептывал. Мол, это все менты виноваты, стрелять начали, а ребята спокойные, город посмотреть приехали и знать не знали, что в доме оружие, наркота да вещи ворованные. Отпустите на подписку, по первому требованию на допрос являться будут... Отпустила, блин... Да уж, спокойные! Чудом наших не покروшили...

– А как вы на них вышли?

– Ну, если честно, случайно. Повезло. Они в Горелово дом у бабки одной снимали, в дачном садоводстве. Третьего дня соседи шум слышали. Между собой, наверное, что-то не поделили. Орала друг другу, что убьют... Соседка в местный отдел и позвонила на всякий случай. Участковый приехал, а по нему огонь из окон без разговоров... Он подмогу вызвал. «Черные», суки, отстреливались, потом «въехали», что пахнет жареным и сдались... Надо было их всех при задержании... Имели право... Ну и как, Тёма, прикажешь с терроризмом бороться?..

Я не ответил. Во-первых, ответа не знал, а во-вторых...

– Слушай, а тачку какую у них нашли? Не «девятку» красную? У одного нашего менеджера недавно угнали.

– Нет, «шестеру» зеленую... Прикинь, их на ней гаишники раз пять тормозили, а они...

Егор продолжает рассказ, но я не слышу... Я не чувствую

вкуса пива и не различаю цветовой гаммы нашего двора. Мне сейчас очень хорошо. Словно я в раю. Летаю в невесомости и кайфую. И ничего другого мне не хочется...

Пять «калашей», гранатомет, пистолеты... Против одной кочерги для блокировки руля... Какая прелесть! Превосходный сюжет для комикса! The best!

– Тём, у тебя-то как дела? Слышь?.. Что с тобой?..

Тихо, тихо, Егорушка... Не мешай мне летать...

* * *

Этот день начался точно так же, как и другие. С канонады. Пока не артиллерийской. Напротив нашего дома вот уже второй месяц идет уплотнительная застройка, которую я называю «утомительной». Потому что утомила. Строительная компания возводит элитное жилье. И каждое утро я просыпаюсь под ласковые звуки агрегатов, забивающих бетонные сваи. (А они забиваться не хотят.) Этот артобстрел продолжается с семи утра до шести вечера с небольшим перерывом на обед. Будильник я не завожу за ненадобностью. Агрегаты разбудят и покойника. Ладно б они какой-нибудь приятный мотивчик выстукивали, типа гимна Лиги чемпионов, а то сплошной «Rammstein».

Продолжился день тоже весьма традиционно. Яичница, мустанг, радио, офис, пробки, улицы, жара. И ничто не пред-

вещало сюрпризов. И уезжая утром на работу, я даже близко не предполагал, в каком настроении вернусь домой вечером.

Где-то в половине второго, когда я доедал корпоративный борщ в кухне-столовой нашего офиса, мобильник осчастливил меня звонком от неизвестного абонента.

– Здравствуйте! – прожурчал сладкий девичий голосок. – Это Артем Григорьевич?

– Угадали, – подтвердил я.

– С вами хочет поговорить президент нашей компании. Секундочку, переключаю...

Это было любопытно. Кроме президента «Парадиза», других президентов я не знал. Президент России не в счет, его знают все. Наверное.

– Здравствуйте, Артем Григорьевич. Меня зовут Игорь Борисович. Фамилия Черноротов. Вы видели меня у Анны Сергеевны, помните?

– Помню.

– Я возглавляю дилерскую компанию «Мерседес», если вам о чем-то говорит это название.

Ого!.. Еще любопытнее. Если это, конечно, не идиотский розыгрыш в прямом эфире какой-нибудь радиостанции. В принципе, зная о моей мечте, кто-нибудь мог устроить подобную провокацию. Или опять недоразумение с паспортом?

– Очень приятно. Курьер из рая. В смысле, фирмы «Па-

радиш». Путьеочками интересуетесь?..

– Нет, что вы. Я звоню вам по личному вопросу. Вы не смогли бы подъехать к нам в офис в любое удобное для вас время?

– В принципе, день у меня расписан по минутам... А что случилось?

– Ничего. Просто у меня к вам деловое предложение. Думаю, оно вас заинтересует. Наш офис находится на Петроградской стороне. Когда вас можно ожидать?..

– Сейчас посмотрю в органайзере, – блеснул я серьезным словом, повышая свой авторитет. – Так... так... Примерно через сорок минут.

В тот день, если честно, у меня вообще был дикий цейтнот, но любопытство взяло верх. (Эх, не знал я тогда поговорки: «Любопытство губит kota»!)

– Прекрасно. Записывайте адрес...

Сергей Николаевич Мышкин, которому я рассказал о звонке, никаких версий не выдвинул, но заметно погрузнел – его задело, что с деловым предложением «мерседесовский» дилер обратился не к нему, а к какому-то курьеру.

– Скорей всего, он попросит что-нибудь передать для Анюты, – предположил Сергей Николаевич. – Не забудь, что тебя ждут в консульстве.

– Успею. Это по пути, – нагло соврал я.

Добрался я без осложнений, хотя и превышал местами скорость, гадая всю дорогу о предложении Игоря Борисови-

ча и подгоняя мустанга. Увидев возле офиса табун сверкающих «мерсаков», мустанг нагло втиснулся в их ряды, обдав порцией дыма.

Меня встретила симпатичная мордашка, видимо, звонившая по телефону. Она привела меня наверх в кожаную приемную и предложила, словно VIP-клиенту, заварной кофе с бисквитом. Но оценить вкус буржуйского угощения я не успел. Едва опустился в мягкое кресло, как из президентских апартаментов выскочил знакомый мне плешивый круглощекий мужичок лет тридцати. Сладко улыбаясь, как Максим Галкин на концерте, он протянул мне руку с перстнем:

– Душевно рад, Артем Григорьевич! Спасибо, что приехали! Прошу!..

Он указал не на дверь кабинета, а на вторую, расположенную слева. Мы спустились по мраморным ступенькам на первый этаж. Игорь Борисович вел себя располагающе, словно мы были знакомы сто лет, без усталости тараторил, по пути рассказал анекдот про Чубайса. Я уловил знакомый аромат «Жан-Поля Готье». Может, он меня все-таки с кем-то спутал?..

– Нет, нет, Артем, мне нужны именно вы!.. Кстати, а чего мы «выкаем»?.. Нет возражений, если перейдем на «ты»?.. Вот и славненько!

Пройдя по коридору, увешанному фотографиями элитной продукции немецкого автогиганта, мы оказались в торговом зале. Здесь своих будущих хозяев дожидались штук

пять «мерседесов» самых разных моделей. Рядом скучали продавцы в строгих костюмах. Наплыва покупателей и давки почему-то не наблюдалось.

– Думаю, здесь нам будет удобней, – пояснил Игорь Борисович. – Сейчас я тебе кое-что покажу!

Он подвел меня к отдельной нише в боковой стене и зажег свет. Видимо, это было сделано специально, чтобы произвести на клиента психологическую атаку. Не скажу, что был потрясен, но сердце мое учащенно забилось...

Передо мной стоял черный, с едва заметным синим отливом, красавец-джип, увенчанный позолоченным трилистником. Может, трилистник был и не из чистого золота, но блестел вызывающе. Бампер джипа украшал хромированный «кенгурятник». Такие же хромированные диски на колесах победно отражали потоки электрического света. Машина была удачно подсвечена и с боков. Это придавало ей, как фигуристой модели из журнала «Playboy», еще более соблазнительный вид.

– Нравится?.. – радостно спросил г-н президент.

– Ничего «мерин», – равнодушно ответил я, словно катаюсь на таких машинах каждый день. Первое правило коммерции, которое открыл мне менеджер Дима Водолев, гласит: «Никогда не проявляй повышенного интереса к товару». Купить всегда проще, чем продать.

– Это одна из последних моделей класса «J». В России их порядка десяти штук. Можно сказать, опытные образцы.

Мощность – триста «лошадак», сотню набирает за шесть секунд, – президент принялся описывать технические характеристики и навороты «мерсака». Причем, делал это весьма вдохновенно и в течение минут семи-восьми. Чувствовалось, рука в торговле дорогими авто у него набита крепко.

Наконец он перешел к цене.

– В базовой комплектации эта модель стоит сто двадцать тысяч условных единиц. По-моему, вполне подходящая цена для такого чуда. Как ты считаешь?..

– Возможно, – кивнул я, по-прежнему гадая, за каким хреном торговцу такими игрушками понадобился хозяин потрепанной «восьмерки». Может, он хочет предложить мне место курьера? Переманить из рая?..

– За отдельную плату можно сделать тюнинг, поставить DVD-чейнджер, – соловьем заливался Игорь Борисович. – Акустика хорошая, менять не стоит. Сейчас послушаем...

Президент радушно распахнул дверь, приглашая меня присесть на обитое черной кожей кресло. Денег пока не просят, можно и послушать. Игорь Борисович плюхнулся рядом и включил музыкальную шкатулку. Салон наполнился чистым и мощным звуком. Да, это не мустанг с его хрипящими динамиками...

Я положил руки на руль, ноги поставил на педали. Президент продолжал расхваливать машину, говоря что-то про персональные кондиционеры, круиз-контроль, компьютерный навигатор, но до меня его слова не доходили. Перед мо-

ими глазами был широкий хайвэй, мелькающие столбы, деревья и рекламные щиты, застывшие с разинутыми ртами гаишники... Ветер врвался в салон через открытые окна и люк, басы из колонок били по ушам, а душа просила еще скорости. И получала... Казалось, еще немного – и я взлечу!

– Система безопасности одна из лучших в мире. Двенадцать подушек... – прервал мой полет Игорь Борисович, выгружая толстый зад из салона. Я вышел следом, хотя выходить очень не хотелось. Но мне еще надо было успеть смотаться в консульство.

– Извините, у меня вообще-то со временем напряг...

– Тогда перейдем ко второй части. Ты хотел бы такую тачку?..

– Не отказался бы, – честно признался я. – Багажник большой, картошки много влезет... С дачи возить.

– Это можно устроить. Я предлагаю обмен. Более выгодный для тебя, нежели для меня.

– На мою «восьмерку» поменяться?..

Игорь Борисович улыбнулся пухлыми губами, положил мне на плечо холеную руку и повел по залу.

– Анна Сергеевна сказала, что у тебя есть участок земли на Суздальских озерах. Десять соток. Верно?

– Вчера еще был. Если не затопило, – подтвердил я, наконец, врубившись, зачем меня сюда пригласили.

– Не затопило. По сегодняшним ценам сотка в том районе при самом хорошем раскладе стоит десять тысяч баксов. При

самом хорошем! Я предлагаю поменять землю на джип. Это очень неплохой вариант. Вряд ли кто-то предложит больше.

– Мы вообще-то не собирались пока продавать участок.

– Кто это «мы»?..

– Я и родители. Мы сдаем дом: двести баксов в месяц не лишние.

– Двести баксов?! Извини, Артем, но это не самое удачное вложение средств. Имущество стоимостью сто тысяч приносит всего тысячу двести в год. Чуть больше процента. Это несерьезно.

– Нам хватает.

– Глупости. Вам только кажется, что хватает. Я даю тебе почти на тридцать тысяч больше, чем реальная цена твоего участка. Просто мне нужна эта земля.

Испугавшись, что я могу набросить цену, президент тут же уточнил:

– Не то чтобы очень, но нужна...

– Но я не могу решать такие вопросы без родителей. А они сейчас в деревне, у бати на родине.

– погоди, ты что, маленький мальчик? Ты взрослый мужик! Пора самому принимать решения. Если мы договариваемся, можешь забрать машину хоть сегодня. Я решу с ГАИ, вечером ее поставят на учет на твое имя. А оформить сделку с землей можно и позднее. Я уверен, ты порядочный человек и не пойдешь на попятную.

Президент покрутил перед моим носом ключом. Это был

убойный аргумент. Не про то, что я порядочный, а тот, что машину я могу забрать сегодня. Я на секунду представил, как завтра утром прикачу в «Парадиз» на джипаре. Мышкин от зависти заикаться начнет.

Видимо, Игорь Борисович провел кропотливую подготовительную работу. Даже узнал у кого-то из «Рая», что я с детства мечтаю о «мерсаке» и что мы уже отказали нескольким покупателям участка. Поэтому и предложил не кейс с деньгами, а натуру. Классную натуру. Иногда это гораздо убедительней. Расчет только на сердце. Когда перед тобой подобное чудо технической мысли, разум бесполезен...

Ключик по-прежнему болтался перед моими глазами. Дима Водолеев как-то рассказывал, что покупатель решает брать или не брать товар в первые семь секунд. Научные якобы расчеты. И именно в эти семь секунд надо активно капать на его мозги. Две секунды уже прошли.

– Ну что, по рукам?..

А почему бы, собственно, и нет? Я ведь ничего не теряю. В случае чего, машину можно продать, купить квартиру и спокойно ее сдавать. А оставшиеся деньги с пользой потратить. Президент прав: имея такую халяву, я использую ее всего на один процент. Это неправильно. А батю отведу его собственными словами – пока я молодой, имею право на безрассудство. Хотя никакого безрассудства в своих действиях я не вижу.

Нет, нельзя. Землю на машину – это полное безрассуд-

ство. Вали, пока не поздно. Джип улыбался хромированным бампером и, казалось, шептал: «Возьми меня, мальчик, возьми!...»

Пять секунд...

– Если ты сомневаешься в цене машины, я могу показать каталог. Или устроить тест-драйв.

Мой то мустанг еле живой. Вот-вот пристрелить придется. Загнал я его в той гонке за паспортом. На чем теперь ездить?

Семь секунд... Я сдался. Науку не обманешь.

– Не надо. По рукам.

– Вот и отлично. Я знал, что мы договоримся. Ты умный мужик, с чем тебя и поздравляю.

Игорь Борисович попросил мой паспорт, который я всегда вожу с собой по служебной необходимости, передал его продавцу, а мне предложил через пару часов вернуться в салон за машиной.

Я рванул в консульство, все еще не веря, что вечером вернусь домой верхом на мечте. Я пытался взять себя в руки, успокоиться, но так и не смог. Представлял, как заеду в кафе за Вероникой, как она обалдеет. Как мы поедем кататься по городу, просто так, безо всякой цели, ради наслаждения. Спасибо, милая крестная! Я хоть и не Золушка, но тыкву ты мне подарила нехилую. Опытный образец с компьютерным навигатором. В такой на любой бал не стыдно поехать. Даже к королю...

Ровно в назначенное время я снова стоял в кабинете Иго-

ря Борисовича. Несмотря на уверенность в моей порядочности он все-таки подстраховался. В присутствии приглашенного нотариуса я написал расписку на сто тридцать тысяч, которую президент обещал мне вернуть после оформления купли-продажи земли. После этого он вручил мне два ключа, ПТС, талон техосмотра и техпаспорт, оформленный на мое любимое имя. Джип уже выкатили из салона во двор, я любовался им из офисного окошка.

– Советую поставить сигнализацию, – сказал президент, когда нотариус удалился, – и посерьезнее. Могу порекомендовать хорошую фирму.

– А «родной» разве нет?

– Разумеется, – Игорь Борисович взял у меня один из ключей. – Здесь электронный замок. Даже если кто-то делает слепок с ключа, машина не заведется. Код на замке зажигания должен совпасть с кодом на ключе. В комплекте всего два ключа. Если один потеряешь, второй можно перепрограммировать. Но сигнализация все же необходима. Ведь машину можно утащить волоком, увезти на эвакуаторе...

– А подобрать код невозможно?

– Исключено. Замок и ключ закодированы на заводе. Изменить его могут только там. И желательно завтра же застраховать машину. Я не думаю, что ты плохой водитель и разобьешь ее, но могут разбить тебя. Будет обидно...

– А сколько стоит страховка?

– Если от угона и аварии, примерно тысячи три условных

единиц.

Ни фиги себе! Это придется продать мустанга, добавить свадебные деньги... Дорогая «тыквочка»! Ладно, что-нибудь придумаю.

– Если что сломается, звони. Хотя не должно, у машины пять лет гарантии. Немцы умеют работать. Может, по коньячку? За взаимовыгодное сотрудничество?

– Спасибо, но я за рулем.

Сделку купли-продажи участка мы назначили на послезавтра. Выходя из кабинета, я вспомнил про мустанга.

– Совсем забыл, я ж на своей машине приехал. Можно, у вас до утра постоит?..

– Не вопрос. Давай ключи, ребята загонят во двор.

Продавец, мой ровесник, показал, как пользоваться кодовым ключом, объяснил назначение различных кнопок и рычажков, что-то говорил про замену масла и техобслуживание. Я не особо вслушивался. Мне не терпелось вскочить в кожаное седло и нажать педаль. С кнопочками потом разобраться можно. Придется привыкать к автоматической коробке передач, но, говорят, за пару часов осваиваешься.

Усевшись за руль, я повесил на зеркало маленький футбольный мячик – мой ангел-хранитель на безжалостных дорогах. Час назад он украшал салон мустанга.

Ворота распахнулись, я сделал глубокий вдох и отпустил педаль тормоза. Вороной скакун заржал и понес... Игорь Борисович и продавец, улыбаясь, помахали мне вслед.

Да, если есть на земле счастье, то имя ему – «мерседес»! Я не могу передать словами, какие чувства испытывал в ту секунду. Вновь жалею, что рядом нет Пелевина. Я б его прокатил. Всей грудью я вдыхал запах новизны. Любой водитель скажет, что новая машина пахнет как-то по-особенному. Именно новизной.

Никто не показывал мне средних пальцев и не грозил кулаком в окно, несмотря на то что я самым наглым образом подрезал машины или нечаянно выскакивал на встречную полосу. Попутки тут же уступали мне дорогу, стоило слегка посигналить и мигнуть фарами. И никто не торопил меня, когда я пропускал пешеходов на «зебрах».

К слову, пешеходов на «зебрах» я пропускаю не потому, что такой уж воспитанный. Просто в Питере есть отморозенная молодежная тусовка, в которую входит мой сосед сверху. Они называют себя «зеброидами». Сумасшедшие экстремалы. Зеброид на глазах своих соратников подходит к пешеходному переходу, закрывает глаза и шпарит на другую сторону улицы! Вне зависимости от интенсивности движения!..

По правилам водители должны его пропустить. Но кто ж в нашей стране пропускает пешеходов?.. А поэтому риск быть сбитым каким-нибудь «ниссаном» или «опелем» весьма велик. Зеброид получает такой выброс адреналина в кровь, по сравнению с которым прыжок с тарзанки – милый пустяк.

У движения есть и идеологическая подкладка – воспитание нерадивых водителей. В случае летального исхода на мо-

гиле борца за культуру езды должно быть написано: такой-то погиб по вине нарушителя правил ПДД. Не знаю, как других, но меня они воспитали. Садиться в тюрюгу из-за какой-нибудь чокнутой личности совершенно не хочется. Поэтому я всех пропускаю.

Но я отвлекся!.. Какие зеброиды, если у меня под седлом такой конь! Хотя и зовут его «мерином». Чуть притопив педаль газа, я обходил попутки, словно они застыли на картинке. Представляю, что будет на трассе!.. Завтра же испытаю. На выходных можно прокатиться в деревню к родителям, познакомить их с новым членом семьи. Кстати, хорошо бы придумать ему нормальное имя. Например, Чубайс. Шутка. Он же у меня не рыжий, а черный. Назову его Виктором Степановичем. В честь Черномырдина.

А куда я сейчас еду? Не знаю. Еду и все! Взглянул на часы, вмонтированные в полированную торпеду. Семь тридцать. Мой рабочий день закончился. Вероника закругляется в девять. Надо встретить. Тыква готова. Я ей звонил, но про обмен ничего не сказал. Пусть это будет приятным сюрпризом.

Ой, чуть не забыл, что в баке всего пять литров бензина. А в кошельке всего две сотни, на которые надо еще купить пельмени и помидоры. Но оставить конягу без сена недопустимо! Сам голодай, а товарища заправляй...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.